

СОЦИОПОГИЯ ПОЛИТИКИ И СМИ

© В.В. МЕЛЬНИК

v_v_melnic@mail.ru

УДК 316:17.025.14:321.7

ДЕМОКРАТИЯ VS “LE CONTRAT SOCIAL”

АННОТАЦИЯ. Исследование на уровне методологии и методики развития и взаимосвязи демократии, социального контракта и социального капитала, позволяет выявить их роль и значение в эволюционном развитии России, определить начальные условия дальнейшего нелинейного развития мезо-, макро- и микросоциальных систем на основании присущих им генотипических свойств, а также рассмотреть основные социологические подходы в теории социального контракта.

SUMMARY. The study on the methodological and methodical level the problems of the development and correlation between democracy, social contract and social capital gives the possibility to determinate their role in the evolution of Russia. To determinate the starting conditions of further nonlinear development of mezo, macro and micro social systems on the base of their proper genotypic qualities and to sum up the sociological approach of social contract theory.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Демократия, социальный контракт, гражданское общество, социально-культурный генотип, самоорганизация, параметры порядка, проблема компенсации, переговорная сила, уровни бедности, система социальных правил.

KEY WORDS. Democracy, social contract, civil society, social rights, socio-cultural genotype, self-organization, compensatory problem, the negotiations power, the social rule systems, levels of poverty.

Черeda цветных революций, характер развития Европейского союза, последние события в России демонстрируют исчерпанность парадигмы традиционной демократии — демократии большинства. Демократия политкорректности, демократия мультикультурализма, демократия суверенности не удовлетворяют условиям и итогам развития все более усложняющихся социальных систем. Демократии Запада приобретают превращенные формы. Главной из них стала демократия насильственности, выстраиваемая по образцам транснационального или кланового рыночного капитала, как инструмент реализации политических и экономических интересов правящих меньшинств. В новой России сложилась несколько иная, отличная от западных, мифологема демократии свободного рынка, определяемая знаменитым принципом «самосбывающегося предсказания» Роберта Мертона. Поскольку нас учили капитализму только по К. Марксу, то прибыль в 300% для российских капиталистов является нормой. Мифологе-

ма подкрепляется нашей невозмутимой либеральной уверенностью в том, что рыночная экономика — это предпосылка и экономический базис демократии. Это далеко не так. Еще в 30-х гг. XX в. такой апологет демократии и свободного рынка, как Фридрих Хайек, в своей работе «Дорога к рабству» предупреждал, что демократия не фетиш. Он писал: «демократия по сути своей — средство, утилитарное приспособление для защиты и поддержания социального мира и свободы личности. Как таковая она вовсе не является ни непогрешимой, ни абсолютно надежной. Нельзя также забывать, что часто при авторитарном правлении бывает гораздо больше культурной и духовной свободы, чем при некоторых видах демократии, — и теоретически допустимо, что при правлении очень однородного и доктринерского большинства демократия может оказаться не менее тиранической, чем худшая из диктатур... Как только демократия перестает быть гарантом личной свободы, она вполне может существовать в какой-то форме и при тоталитарных режимах» [1]. Ф. Хайек был категорически против рассмотрения демократии как высшей политической цели, поскольку она является лишь средством ее достижения, и считал ошибочным мнение о том, что воля большинства не может творить произвола, поскольку от произвола власть сдерживает не ее источник, а накладываемые на нее ограничения.

Для современной России, особенно, с очень коротким периодом рыночной демократии, этот вопрос приобретает судьбоносный характер. Давайте попробуем вернуться к истокам. Исторически понятию демократии предшествовало понятие «общественный договор», на языке первоисточника «le contrat social» — которое впервые появилось в трудах философов Томаса Гоббса (XVII в.) и Жан-Жака Руссо (XVIII в.). Именно после работы Руссо «Об общественном договоре» (1762) это понятие стало популярным в европейской политике и социальной науке, особенно после периода Великой французской буржуазной революции, с ее новой социальной парадигмальной матрицей: «свобода, равенство, собственность».

Понятно, что со времен эпохи Просвещения параметры «de contrat social» неоднократно нарушались, но основополагающий принцип оставался прежним — передача обществом части своих естественных прав государству, которое гарантирует свободу, равенство, справедливость, собственность, законность. С другой стороны — обязательства защиты граждан. Для нас принципиально, что исходная парадигма общественного договора по-прежнему актуальна, и для достижения в сложной социальной системе, какой является Россия, социального равновесия (не стабильности), порядка, удовлетворяющего все гражданское общество, а не его большинство (хотя бы и 65%). Но нужны новые качества и государства и гражданского общества. Какие?

В основе нового общественного договора находился и находится постоянный переговорный процесс между этими двумя субъектами, с учетом меняющихся социетальных реалий, о целях движения к новым структурам, который бы выводил нас на новый уровень развития. Правда, течение этого процесса опосредуется, согласно Ф. Фукуяме, двумя взаимосвязанными факторами: наличным социальным капиталом и гражданским обществом. Социальный капитал, по мнению академика Н.А. Амосова, в нашей стране к 80-м гг. энергетически затух (энтузиазм строителей нового общества). В 90-е гг., в период перехода к рынку, он выгорел, и поэтому формирование гражданского общества сейчас является

единственно возможным начальным условием дальнейшего движения, поскольку только оно способно производить переговорную силу для дискурса с государством и ограничения злоупотреблений властью. В чем заключается сущность этой силы? По нашему мнению, на новом этапе гражданское общество, даже находясь в начальной стадии подъема, является ведущей производительной силой, и помимо товаров и услуг производит и еще один специфический продукт. Согласно В.Л. Тамбовцеву, это переговорная сила [2; 17]. Но при слабом социальном капитале эта переговорная сила мала, хотя российский человеческий капитал и достаточно высок. Как и каким образом ускорить и усилить этот процесс? Ключ к вопросу — в общественном договоре и гражданском обществе. С точки зрения формальной логики это взаимозаменяемые понятия, и тогда социальный капитал определяется (помимо общих факторов: воспитание, образование, подготовка), характером и формами связей, опосредующих взаимоотношения человека с государством и экономикой.

До сегодняшнего дня (начиная с 2003 г.) «de facto» состояние общественного договора, согласно А.А. Аузану, с которым мы целиком согласны, характеризуется двумя параметрами порядка. Первый — это проблема компенсаций за полученное место в экономической системе, которая решилась в пользу вертикального контракта, когда «возмещениями заведует власть, а не закон или соглашение сторон», и второй — «преобладание перераспределительных групп» с доминантой рентоориентированного поведения, а не стремления создавать доходы [3; 17]. В этом пространстве координат стабильность дает рост, но не развитие. Рост доходов связан всего лишь с ростом ВВП от продажи нефти на душу населения страны. Поскольку структурные реформы экономики стагнируют, то процесс роста ВВП дает перемещение России всего лишь от нищих к бедным в несколько процентов за пятилетие. Это еще раз подтверждает наши выводы о линейном характере развития нашей экономической системы [4; 39], в которой имеющиеся начальные и внешние условия полностью определяют ее качественные характеристики, свойства которой определяются прошлым, а не будущим. Совершенно очевидно, что система с такими параметрами обладает наихудшими условиями для развития. Все это формирует политический заказ на стабильность. Здесь представляется очень интересным «второе прочтение» исследований, проведенных (2006-2009 гг.) социологами Тюменского государственного университета, в которых участвовал и автор статьи, в рамках программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Она осуществлялась под руководством Н.И. Лапина. Речь идет о взаимозависимости переменных материального состояния и динамики изменения самооценки жизни во времени (один год) в Тюменском регионе. Оказывается, указанная линейность находится в полной корреляции с провозглашенной политикой стабильности, которая отражается и на эмпирическом уровне. Мы имеем два сопоставимых среза [5; 56]. По данным всероссийского мониторинга 2006 г., три самых бедных слоя («нищие», «бедные», «необеспеченные»), общая численность которых составляла в России 51%, оценивает свое жизненное положение как стабильное, т.е. такое же, как и год назад. По тюменскому региону эта величина составляет 37%. Примерно такое же соотношение было выявлено и в опросах 2009 года. Очевидным выводом из этого является тот факт, что боязнь потери этими слоями своего «стабильного» положения на уровне бедности (а с другой стороны — 12-15% ставших жить

«хуже» и надеющихся эту жизнь улучшить) и является основным фактором, гарантирующим в нынешнем избирательном цикле обретение властных полномочий в стране.

Развитие, в отличие от роста, — это институциональные изменения плюс экономический рост. В сложной социальной системе рост ВВП это лишь первый уровень решения проблем: сложить, разделить, потребить. Но далее следуют второй, третий, четвертый уровни. Итоговым является выход на уровень максимальных инвестиций, который смогли решить в КНР и к которому мы не смогли даже приблизиться. Одна из возможностей это сделать — изменить траектории движения страны.

Современная теория социального контракта нашла отражение в самых различных отраслях науки: социологии, экономике, юриспруденции, философии, политологии и других науках. Последние годы в общественных науках все шире применяется анализ совокупности правил, которым подчиняются изучаемые социальные взаимодействия. Особый интерес для предмета нашей статьи (и для социологии в целом) представляет теория систем правил (*the social rule systems*) которую развивают шведские ученые Т. Берне и Е. Флем, основываясь на шведской модели демократии, шведского социализма. Они полагают, что деятельность индивида организуется и управляется в основном социально определенными правилами, а также системами правил. Теория шведских ученых фокусируется на двух фундаментальных процессах: формировании и реформировании систем социальных правил; внедрении социальных правил, мобилизации ресурсов для распространения правил. Под социальными правилами понимаются нормы и законы, принципы морали, правила игры, процедуры административного регулирования, обычаи и традиции, требования экономических и политических институтов и соответствующие санкции. Правила регулируют, но не полностью детерминируют действия индивида, за ним остается определенная свобода выбора. Любая социальная организация — это разделяемая полностью или частично система правил. Эта парадигма необычайно плодотворна в западной социологии, гуманитарных науках в целом.

По нашему мнению, парадигмальный «shift» здесь произошел в начале 1990-х гг., когда экономисты Кифер и Ширли под эгидой Всемирного банка провели масштабное исследование (в 84 странах) по обнаружению факторов, определяющих развитие стран, и в результате ими оказались не экономические. Более значимыми являются факторы правил, действующих в стране: власть закона, риск экспроприации, угроза дефолта, несоблюдение правительством своих обязательств социального контракта, уровень коррупции, качества бюрократии. Эти, а также факторы ценностного порядка, получили определение надконституционных, определяющих поведение нации.

В работах других зарубежных исследователей (К. Бинмор, И. Сенед, Э. Лагершпетц, С. Войт и др.) разрабатываются подходы, описывающие с позиции теории игр условия, необходимые и достаточные для возникновения кооперации в обществе. Эти подходы позволяют формализовать основные положения теории социального контракта и могут быть приняты во внимание при описании основ теории. В работах С. Войта сформулирован неинституциональный подход. Особое внимание Войт также уделяет «внутренним» институтам (в частности, моральным нормам, идеологии), ибо именно эти институты, как мы отмечали

выше, лежат в основе социального контракта. В зависимости от наличия или отсутствия тех или иных внутренних институтов, различные общества в различной степени способны достигнуть эффективного социального контракта.

В прикладных работах по социальному контракту активно используется так называемый «принцип максимина». Он состоит в том, что вы должны рассматривать каждую доступную вам политику с точки зрения наихудшего сценария и событий, которые могут с вами произойти, придерживайся вы его. Этот метод оказался хорошо применим для практических проблем управления (расчет инвестиций, прибыли, налогообложения, принятия решений).

Отдельным предметом исследования в этой области являются многочисленные работы, посвященные созданию Европейского союза, в терминах возникновения нового социального контракта, на основе синтеза существующих национальных моделей («латинская», «скандинавская», «немецкая» и др.). Ключевыми параметрами сравнения являются уровень налогообложения, уровень занятости, социальная ориентированность экономики.

Важнейшей социокультурной проблемой здесь является уровень и характер влияния на настоящее культурных различий и тенденций прошлого (т. н. path dependence problem, или «проблема колеи», как определил ее известный российский экономист А. Аузан). Ее сердцевина — различные представления, культурные предпочтения, традиции, история взаимоотношений, общественное мнение, складывавшиеся в течение долгого времени — рассматривается сегодня как основная проблема формирования единого Европейского государства.

Последний — социокультурный — аспект необычайно важен и для процессов равновесного демократического развития в нашей стране. В нашей теоретической концепции потенциальную совокупность факторов определяем как социально-культурный генотип (СКГ). Для адекватного взгляда на процесс эволюции нашего общества требуется понятийный аппарат, который был бы в состоянии полно отразить сложную саморазвивающуюся общественную систему с отличным от других социально-культурным генотипом. В последние три десятилетия междисциплинарный парадигмальный «shift» происходит в области теории самоорганизации (синергетики). В своей экспансии человек руководствовался линейными закономерностями, не подозревая о нелинейных эффектах своей деятельности, как не подозревал о том, что он говорит прозой, один из героев Жана Батиста Мольера. Наш сложный и хаотичный мир предполагает, что индивид должен приспосабливаться к переменам, причина и природа которых ему неизвестна, непонятна и, следовательно, неприемлема. Человеку неясно, почему с ростом пенсий их покупательная способность становится все ниже, как и благополучие в целом, почему в зрелом возрасте необходимо менять занятость. Большинство находит простую, видимую причину в дихотомии «мы и они», или винит очевидные обстоятельства, принимает простейшие решения. И здесь роль общественного договора особенно значима.

С этой точки зрения ведущим фактором, который уравнивает и устанавливает нормальное равновесие системы, самоорганизацию и функционирование всей институциональной сферы, гражданского общества и государства, является полезный для системы в целом приспособительный результат. Он отражает степень реализации общественного договора, использования социально-экономического капитала, разнообразия данного социально-культурного гено-

типа системы, с характерным институциональным механизмом, отвечающим за накопление и управление социальными изменениями и, следовательно, за процесс самоорганизации. Именно последний лежит в основе развития гражданского общества.

Социально-культурный генотип (СКГ) — это информационный механизм, обеспечивающий наследование и воспроизводство как позитивных, так и негативных свойств на всех уровнях социума — сложной неравновесной системы: отдельной личности, небольшой социальной или крупной региональной общности, этноса или страны в целом и трансформирующих или консервирующих идентичность. Так, Ф. Хайек говорил о процессе утраты англичанами, перед Второй мировой войной, своих национальных черт, обеспечивших развитие либеральной экономики и демократии и скатывание к национал-социализму.

Н.И. Лапин выделяет в этом смысле региональный уровень: «Имеются социально-институциональные факторы, целые *сферы деятельности*, которые тормозят развитие регионов. В них ... консервируются негативные характеристики, которые способствуют депрессивному состоянию всего региона. ... Подобным сферам жизнедеятельности можно поставить диагноз — турбулентно-застойные». (выделено авт.). [6; 33]. Классический пример на индивидуальном и национальном уровне — полное переформатирование идентичности — представляет собой Япония, начиная с периода Мейдзи и заканчивая американской оккупацией после Второй мировой войны, приведшее ее в итоге к экономическому и финансовому могуществу.

Теория самоорганизации открывает иные пути эволюции вместо линейного роста. Прежде всего, это путь резонансного возбуждения желаемых и, главное, реализуемых в данной среде, нации, государстве генотипических свойств и структур. Он возможен методом направленного морфогенеза — отбора и формирования необходимых генотипических свойств, что даст необходимый уровень разнообразия и спонтанного нарастания сложности в открытых нелинейных системах. Последний представляет собой некий аналог биологических процессов морфогенеза и «воспроизводства» типа редупликации ДНК, когда она в этносе сохранена. В процессах нелинейного роста это путь многократного сокращения временных затрат и материальных усилий. Полная аналогия СКГ с биологическим генотипом и биологизация процессов социальной эволюции неправомерна. Чем выше уровень благосостояния и культуры, тем относительно меньшую роль играют биологические детерминанты человеческого поведения. Но они остаются и их необходимо учитывать. Никуда не делся первобытный эгоизм, зависть, ненависть, злость, леность. СКГ фиксируется в многообразных информационных формах: от конституции и программных концепций, правовых актов и административных инструкций до программ обучения и нормативных актов, неписаных традиций и правил, «паттернов» управленческой и экономической деятельности, культурных образцов. В совокупности эта многоуровневая сеть образует как бы «информационную матрицу», по которой воспроизводится определенная система управления, способ функционирования данной системы. В рыночной экономике она прежде всего отражает и закрепляет интересы групп, господствующих в экономике, политике, а следовательно — и в формируемой идеологии. Как нам представляется, это и является основной задачей гражданского общества на современном этапе развития России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайек, Ф.А, фон. Дорога к рабству. Перевод М.Б. Гндовского, 1990. URL: http://www.libertarium.ru/l_lib_road
2. Тамбовцев В.Л. Государство и экономика. М.: Магистр, 1997. 48 с.
3. Аузан А.А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. 2005. №3. С. 3-18.
4. Мельник В.В., Телегина Г.В. Методологические проблемы равновесного (стабильного) развития социальных систем // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. №2. С. 181-185.
5. Социокультурный портрет Тюменского региона. Рук. авт. колл. и прогр. Г.Ф. Куцев, Г.С. Корепанов, Н.И. Лапин. Тюмень: Тюменская областная Дума, 2008. 192 с.
6. Лапин Н.И. Новые проблемы исследований региональных сообществ // Социологические исследования. 2010. №7 (315). С. 28-38.